

Михаил Салтыков-Щедрин

Деревенская тишь

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Деревенская тишь
Серия «Невинные рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134113

Содержание

4

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Деревенская тишь

Утро. Кондратий Трифоновч Сидоров спал ночь скверно и в величайшей тоске слоняется по опустелым комнатам деревенского своего дома. Комнат целый длинный ряд, и слоняться есть где; некогда он гордился этим рядом зал, гостиных, диванных и проч. и даже называл его анфиладою, прохвостом и несколько в нос; теперь он относился к анфиладе иронически и, принимая гостей, говорит просто: «А вот и сараи мои!»

На дворе зима и стужа; в комнатах свежо, окна слегка запушило снегом; вид из этих окон неудовлетворительный: земля покрыта белой пеленою, речка скована, людские избы занесло сугробами, деревня представляется издали какою-то безобразною кучею почерневшей соломы... бело, голо и скучно!

Походит-походит Кондратий Трифоновч – и остановится. Иногда потрет себе ладонью по животу и слегка постонет, иногда подойдет к окну и побарабанит в стекло. Вон по до-

роге едут в одиночку сани, в санях завалился мужик; проезжает мимо барского дома и шапки не ломает.

– «Ладно!» – думает Кондратий Трифоныч.

И опять начинает ходить по своим сараям, и опять остановится. Посмотрит на сапоги, просторно ли они сидят на ноге, вытянет ногу, чтоб удостовериться, крепко ли штрипки пришиты и не морщат ли брюки.

– Ванька! квасу! – кричит Кондратий Трифоныч.

Ванька бежит из лакейской и подает на подносе стакан с пенящимся квасом. Но Кондратию Трифонычу кажется, что он не подает, а сует.

– Что ты суешь? что ты мне суешь? – вскидывается он на Ваньку.

– Ничего я не сую! – отвечает Ванька.

«Ладно!» – думает Кондратий Трифоныч.

И опять начинается ходьба. Кондратий Трифоныч останавливается перед стенными часами и пристально смотрит на циферблат, посередине циферблата крупными буквами изображено: London, а внизу более мелким шрифтом: Nossoff a Moscou. Все это он сто раз видел, над всем этим сто раз острил, но он все-таки смотрит, как будто хочет выжать из надписи какую-то новую, неслыханную еще остроту. Часы стучат мерно и однообразно: тик-так, тик-так; Кондратий Трифоныч вторит им: «тикё-такё, тикё-такё», притоптывая в такт ногою. Наконец и это прискучивает; он снова подходит к окну и начинает вглядываться в деревню. Оттуда не слыш-

но ни единого звука; только серые дымки вьются над хижинами добрых поселян. Кондратию Трифонычу, неизвестно с чего, приходит на мысль слово «антагонизм», и он начинает петь: «Антагонизм! антагонизм!», выговаривая букву н в нос. Все это заканчивается свистом, на который опять бежит Ванька.

– Ты что на меня глаза вытаращил? – напускается на него Кондратий Трифоныч.

– Ничего я не вытаращил! – отвечает Ванька.

– Ладно! – говорит Кондратий Трифоныч, – пошел, позови Агашку!

Через минуту является Ванька и докладывает, что Агашка не идет.

– Почему ж она не идет?

– Говорит: не пойду!

– Только и говорит?

– Только и говорит!

– Ладно!

В голове Кондратия Трифоныча зреет мысль: он решается все терпеть, все выносить до приезда станового. Поэтому, хотя внутри у него и кипит, но он этого не выражает; он даже никому не возражает, а только думает про себя: «Ладно!» – и помалчивает... до приезда станового.

Не дальше как вчера на ночь Ванька снимал с него сапоги и вдруг ни с того ни с сего прыснул.

– Ты чему, шельма, смеешься? – полюбопытствовал Кон-

дратий Трифоныч.

– Ничего я не смеюсь! – отвечал Ванька.

– Этакая бестия! смеется, да тут же в глаза еще запирается!

– Чего мне запирается? кабы смеялся, так бы и сказал, что смеялся! – упорствовал Ванька.

– Ладно!

С этих пор в нем засела мысль, с этих пор он решился терпеть. Одно только смущает его: все свои грубости Ванька производит наедине, то есть тогда, когда находится с Кондратьем Трифонычем с глазу на глаз. Выйдет Кондратий Трифоныч на улицу – Ванька бежит впереди, снег разгребает, спрашивает, не озябли ли ножки; придет к Кондратию Трифонычу староста – Ванька то и дело просовывает в дверь свою голову и спрашивает, не угодно ли квасу.

– Услуга-парень! – замечает староста.

– Гм... да... услуга! – бормочет Кондратий Трифоныч и обдумывает какой-то план.

Он считает обиды, понесенные им от Ваньки, и думает, как бы таким образом его уличить, чтоб и отвертеться было нельзя. Намеднись, например, Ванька, подавая барину чаю, скорчил рожу; если бы можно было устроить, чтоб эта рожа так и застыла до приезда станового, тогда было бы неоспоримо, что Ванька грубил. В другой раз на вопрос барина, какова на дворе погода, Ванька отвечал: «Сиверко-с», – но отвечал это таким тоном, что если бы можно было, чтоб тон

этот застыл в воздухе до приезда станового, то, конечно, никто бы не усумнился, что Ванька грубил. И еще раз, когда барин однажды делал Ваньке реприманд по поводу нерачительно вычищенных сапогов, то Ванька, ничего не отвечая, отставил ногу; если бы можно было, чтоб он так и застыл в этой позе до приезда станового, тогда, разумеется...

– Нет, хитер бестия! ничего с ним не поделаешь! – восклицает Кондратий Трифоныч и ходит, и ходит по своим сараям, ходит до того, что и пол-то словно жалуется и стонет под ногами его: да сядь же ты, ради Христа!

Он уже давно заметил, что между ним и Ванькой поселилась какая-то холодность, какая-то натянутость отношений. Услышавши, что об этом предмете весьма подробно объясняется в книжке, называемой «Русский вестник», он съездил к соседу, взял у него книжку и узнал, что подобная натянутость отношений называется сословным антагонизмом.

– Ну, а дальше что? – допрашивал Кондратий Трифоныч, но книжка говорила только, что об этом предмете подробнее объясняется в другой такой же книжке.

– Оно конечно, – рассуждал по этому поводу Кондратий Трифоныч, – оно конечно... Ванька сапоги чистит, а я их надеваю, Ванька печки топит, а я около них греюсь... ну да, это оно!

И с тех пор слово «антагонизм» до такой степени врезалось в его память, что он не только положил его на музыку, но даже употребляет для выражения всякого рода чувств и

мыслей.

И ходит Кондратий Трифоныч по своим опустелым сараям, ходит и останавливается, ходит и мечтает. Мало-помалу мысль его оставляет Ваньку-подлеца и обращается к другим предметам. Он думает о том, что вдруг будущим летом во всех окрестных имениях засуха, а у него у одного всё дожди, всё дожди: что окрестные помещики не соберут и на семена, а он все сам-десять, все сам-десять. Он думает о том, что кругом все тихо, а у него в имении вдруг землетрясение! слышится подземный шум, люди в смятении, животные в ужасе... вдруг – вв!.. зз!.. жж!.. и, о радость, на том самом месте, где у него рос паршивый кустарник, в одну минуту вырастает высокий и частый лес, за который ему с первого слова дают по двести рублей за десятину. Он думает о том, что мужики его расторговались, что они помнят его благодеяния и подносят ему соболью шубу в пятнадцать тысяч рублей серебром. Он думает о том, что в Москве сгорело все сено, сгорели все дрова и неизвестно куда девался весь хлеб, что у него, напротив того, вследствие собственной благоразумной экономии, а также вследствие различных поощрений природы, всего этого накопилось множество, что он возит и продает, возит и продает... Он думает о том, что вышло повеление ни у кого ничего не покупать, кроме как у него, Сидорова, за то, что он, Сидоров, в такую-то достопамятную годину пожертвовал из крестьянского запасного магазина столько-то четвертей, да потом еще столько-то четвертей, и тем

показал ревность беспримерную и чувствительность, подражания достойную... Он думает о том, что в доме его собрались окрестные помещики и что он им толкует о превосходстве вольнонаемного труда над крепостным. «Конечно, господа, — говорит он им, — в настоящее время помещик не может получать дохода, сидя на месте сложа руки, как это бывало прежде; конечно, он прежде всего должен употребить свой личный труд, свою личную, так сказать, распорядительность»...

Но вот мысли его от усиленной работы начинают мешаться. Перед глазами его от непрерывного коловратного движения показываются зеленые круги; белая колокольня, стоящая перед барским домом, начинает словно подплясывать; дворовая баба, проходящая по двору, словно не идет, а на одном месте пошатывается, и что-то у ней под фартуком, что-то у ней под фартуком...

— Есть, что ли, мне хочется? — спрашивает сам себя Кондратий Трифоныч и с злобою замечает, что часовая стрелка показывает только десять.

— А ведь у ней под фартуком что-то есть, — продолжает он, но не дает своим предположениям дальнейшего развития, а только прибавляет: — Ладно!

Надоело ходить, надоело мыслить... Кондратий Трифоныч садится на диван и примечает, что пыль со стола не сметена. В былое время, то есть до «антагонизма», он вскипел бы при виде такого беспорядка, он кликнул бы Ваньку и тут

же задал бы ему трепку. Теперь этот беспорядок приносит ему более удовольствия, нежели огорчения, ибо он видит в нем улику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.